

влх. Богумил

ЗОЛОТАЯ ПРЯЖА

Мифы
о Великой богине

Серия
"Мокошь: образ, культ, миф"

Издательство "Велигор"
Москва 2025

УДК 133.52+141+339

ББК 86.42

Б74

- Б74 влх. Богумил
ЗОЛОТАЯ ПРЯЖА. Мифы о Великой богине (Серия "Мокошь: образ, культ, миф". Книга 3). – М.: Издательство «Велигор», 2025. – 264 с.: ил.

ISBN 978-5-91742-568-9

Исследование посвящено описанию поддающихся реконструкции черт культа и мифологии общеславянской богини судьбы – Мокоши, начиная с летописных упоминаний богини и заканчивая этнографическими свидетельствами, сохранившими ее имя и образ. Вера в Мокошь, как можно будет увидеть, не исчезла совсем, но продолжает существовать и в настоящее время в русле народно-православной традиции, где ее чтут под именем святой Параскевы Пятницы. Что не удивительно, так как хозяйка судьбы покровительствует многому из того, что важно в жизни и современного человека. В сфере нашего внимания непременно оказываются фольклорные продолжения образа Мокоши с ее помощниками: сказочные три сестры-Яги, три девы-пряжи из заговоров, богатырша-пряха Дуня из известной песни, а также близкие всем им пряжи из легенд, загадок и быличек.

В данной работе наиболее подробно за всю историю изучения дохристианской религии наших предков суммирован материал, относящийся к богине-пряхе, включая связанные с ней магические аспекты женского рукоделия. Издание предназначено всем интересующимся обычаями и мифологией славян.

г. Москва, м. Кожуховская, ул. 6-я Кожуховская, дом 24, 1 этаж, офис №4

Тел: +7 (495) 784-06-61, +7 (985) 784-08-16.

E-mail: veligor97@gmail.com

Мы в социальных сетях:

<https://vk.com/veligor97>

Интернет-магазин: WWW.VELIGOR.RU

Интернет магазин для граждан других стран: WWW.VELIGOR-BOOKS.COM

© влх. Богумил (Б.А. Гасанов) – полные права, 2025

© жр. Ракита (В. Бондаренко) – редактор, корректор, 2025

© Издательство «Велигор», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

глава 21. Мифы о богине.....	4
Заключение, или О теологии, теогонии и фатуме	88
Приложение I. Ласка	94
Приложение II. Паук.....	114
Приложение III. Дуня-тонкопряха	121
Литература	165

ГЛАВА 21

МИФЫ О БОГИНЕ

І. СЕМЬЯ МОКОШИ

Происхождение славянских божеств – наиболее сложная для реконструкции область языческой мифологии. Во множестве моментов здесь нет опоры даже на фольклорные источники, и часто приходится действовать исходя из соображений логики, сочетая ее с непротиворечивыми вероятностями.

РОДИТЕЛИ

В русской сказке три сестры-Яги, отождествляемые нами с тремя богинями-суденицами (Мокошь, Жива, Марена), сообщают герою, что Царь Морской *«батюшко нам родной»* (Сими́на, № 11). Морской Царь – одно из древних славянских божеств, повелитель морской стихии, тождественный греческому Посейдону и индийскому Варуне. Но можно ли считать его в языческом пантеоне отцом трех богинь судьбы? С одной стороны, это кажется сомнительным, так как в сказках он нередко просто поставлен на место демонического противника героя вместо того же Кощея (=Чернобога). Однако, с другой стороны, в этом родстве можно узреть и архаический посыл. Как известно из дуалистических славянских мифов (в реконструкции), изначально (но после явления Рода) мир представлял собой воду, безбрежный океан: рус. иркут. *«Спервоначала земли не было: была только вода, в которой плавали Бог и дьявол»* (Астырев, С. 38), блр. *«В начале вода покрывала всю землю. Бог повелел дьяволу спуститься на дно и дать горсть земли»* (Шейн 1902, С. 313), укр. *«Колысь не було ни землі, ні неба, а була все вода. Ото Бог раз литав над водою та й побачив, що*

щось плава таке, мев головошка, без рук и без ниг. А то був Сатанаил» (Чубинский 2, № 96). Как минимум одна из трех богинь судьбы – Жива – порождена этим океаном. Если остальные две безначальны, то, в любом случае, явлены они в пределах единосмещения океана и не-океана, примерно тогда же, в начале времен и едва ли не одна за другой, чтобы миф мог считать их сестрами. И на такую ситуацию мифа может указывать заговор, описывающий трех мастериц: укр. *«На синьому морі плавало три сестриці, одна ткаля, друга пряха, третя кров замовляє»* (Темченко, С. 419). И если допустить, что в сказке объединены полустершиеся представления о первичном хаосе-океане и реальном море-океане как таковом, то тогда Морской Царь мог бы именоваться отцом трех богинь судьбы.

Поскольку предполагается, что пряха Маланка украинских песен – это один из фольклорных отголосков Мокоши (ее сравнивают также с германской пряхой-Бертой) (Курочкин 1993, С. 167; Веселовский 1883, С. 121), то можно попробовать оценить строки, где упоминается ее происхождение: укр. *«Маланка ходыла, // Васыля просыла: // «Васыльку, мій батьку, // Пусты мене в хатку»*» (Яцимирский, С. 55). Св. Василий Кесарийский, по мнению ряда исследователей, унаследовал черты бога Велеса (Иванов-Топоров 1974, С. 46, 56; Успенский, С. 44, 66, 129-131). Однако Велес в качестве отца Мокоши кажется фигурой не вполне подходящей. Св. Василий в песне назван отцом св. Мелании-Маланки едва ли не по одной-единственной причине – их дни идут один за другим: св. Мелания (31 декабря) и св. Василий (1 января). Так что может встречаться и обратная зависимость, когда Маланка становится матерью Василия: укр. *«Васыльева маты // Пишла щедроваты»* (Терещенко 7, С. 82). Это не единственный пример установления народом такого условного родства праздников-святых: в Полесье *«Саўка почитается как Варварин батько (день св. Саввы следует за днем св. Варвары)»* (Толстая 1984, С. 182), блр. *«Варвара – Міколіна матка, Сава – Міколіна бацька»* (Толстая 2005, С. 12).

Либо, настраиваясь на существование в прошлом стройной теогонии, можно предполагать, что Мокошь, наряду с сестрами-роженицами (суденицами) и многими иными богами, входит в

состав четвертого поколения богов, будучи порождена первой парой – Сварогом-Небом и Ладой-Землей.

Либо же нам стоит остановиться на версии, что у богинь судьбы, включая Мокошь, формально родителей не было, и явились они на заре рождения бытия самостоятельно, как силы-законы вселенной, предопределяющие ее существование. Жива – как та искра, что является толчком к жизни, дающая ей направление и преумножение, как начало. Марена – как физический, материальный план, придающий бытию конечность, как предел возможностей и существования. Мокошь – как правило, по которому реальность изначально решается сочетанием действие-последствие. В сказаниях-мифах это будет означать, что введение в их повествование богинь судьбы, или конкретно Мокоши, будет сделано без предисловий и пояснений, как данность. Генеалогическая иерархия тут сознательно игнорируется, так как для последователя культа Мокоши, Живы или Марены именно его богиня изначально и предвечна, именно она стоит у истоков мира, да и сам Род-Всеотец начал свое бытие лишь после того, как она решает: «Миру – быть!» Жива дает ему жизненную и творящую силу, или Марена дает хаосу уплотниться, чтобы в нем соткалось золотое яйцо, или Мокошь предрекает судьбу всего сущего от начала и до конца, запуская тем самым цепную реакцию бытия. Все это – умозрительные предположения на тему того, как могли жрецы и волхвы прошлого выстраивать свои концепции мироздания в рамках культа своей чтимой богини.

Итак, четыре мнения, на выбор. Не могли ли они существовать все четыре одновременно?

СЕСТРЫ И БРАТЯ

О сестрах Мокоши можно говорить на основании описаний богинь судьбы (судениц): болг. «три орисницы – женщины, **сестры** – старая, средняя и молодая» (Ангелов, С. 125), «**три сестры**, живущие вечно» (Маринов 1/2, С. 254). Так они друг к другу и обращаются: словен. «Ну, пусть будет так, **сестрицы**» (Valjaves, s. 88).

В том же родстве, согласно славянским сказкам, состоят три Бабы-Яги, три Ягишны, отождествляемые нами с богинями-суде-

ницами, прядущими нить судьбы. Герой посещает их одну за другой, и первые две отсылают его дальше со словами: «Впереди по дороге живет моя **большая сестра**, может она знает; поезжай-ка завтра к ней» (Аф, № 157), «Я, – говорит, – младшая сестра, скажи от меня **старшей сестре** поклон, она тебе укажет дорогу» (Соколовы, № 66). Есть в сказках (СУС 707 «Чудесные дети») и другая троица сестер, которых можно отождествлять с богинями судьбы – их волшебные силы и связь с прядением говорят сами за себя.

Сестры – три девы-мастерицы из заговоров, чье чудесное рукоделие спасает жизни людей: рус. карел. «*Есть великий окиян-море; в том великом окиян-море есть калена изба; в той каленой избы сидят **три сестры**, самому Христу дочери*» (Рыбников 3, С. 216), смол. «*на том белом камне стоит избушка. В той во избушке сидят **три девицы – три родных сестрицы**, держат по иглице, по шелковой нитице*» (ЗАИ 2, С. 495), перм. «*на том золотом пристоле сидит **Матерь Божия с двумя сестрицами**, прядет и сучит шелковую кудельку*» (Майков, № 150). Они же – на небе, как звезды Пояса Ориона: блр. брест., гомель., мин. **Тры Сястры, Тры сястрычки** на небе, брест. «*Старыя так говорылі – кажуць, эта сёстры. Тры Зоркі – Тры Сёстры*» (Авилин, С. 88).

Поскольку Мокошь может относиться к одному поколению с некоторыми другими божествами, ожидаемо, что у нее есть братья. В сказке три сестры-Яги в качестве брата называют персонифицированный Ад (=Чернобог): «Мне, – говорит, – Ад – двоюродный брат!», «Мне Ад – двоюродный брат!», «Ад – мой родной брат!» (Худяков, № 18). В другом варианте этого сюжета братом назван Сатана: «Сам-от Сатана – мой брат родной» (Соколовы, № 66). Относительно Маланки, отождествляемой с Мокошью, говорили: рус. краснод. «она ж – **сыстра Спасителя**» (ИЭФК 1, С. 128).

У этих братьев есть свои дети, которые должны приходиться Мокоши племянниками. Не углубляясь в эту тему, отмечу лишь, что отголоски данного представления сохранились в фольклоре. Болгары о св. Димитрии говорят, что «св. Петка ему тетка, а св. Неделя – леля» (Маринов 1/1, С. 376), «Света Петка нему тетка, // А Недельа нему лельа» (Ватйов, С. 5). Леля – тетка со стороны матери (или отца).

ДЕТИ

У богини судьбы есть потомство.

Может говориться об одной дочери: серб. *света Петка – Недјелина је мајка* – «св. Пятница мать Воскресенья» (Милићевић, С. 53; Ђурић, С. 140; Афанасьев 1, С. 242), «*Ту ми свету Недељу // Милу ћерку Петкину*» Милојевић, № 168); в заговоре: (от «русе»): серб. *Света Среда сина жени, света Петка ћер удаје, русу у свадбу зове* – «Святая Среда сына женит, святая Пятница дочь отдает, русу на свадьбу зовут» (Ивић, С. 28).

О трех дочерях: блр. «*Залатая пятніца з трымя дачушкамі: адна дачушка – залатая, другая – аксамітная, а трэцяя – серабрыстая. А ты казала кусаць ня будзеш, а ўкусіла за пятніцу*» (ПЭЗ 1/1, № 147) = здесь это змеи; «*Ад усходу сонца да заходу шла святая Пяцінка Праскавея з трыма дачкамі. Адна ў срэбры, другая ў злаце, трэцяя ў санаце. – Куды ідзеш? – Гадуню замаўляці*» (Замовы 2000, № 401).

Или о неопределенно большом количестве дочерей. Это отмечено в качестве мотивации запрета оставлять пряжу на ночь в запрещенные дни: блр. «*Кудзелю трэба ўвязваць у прасніцу ў сераду, бо ў Серады шмат дачок, дык памогуць спрасці*» (Василевіч, № 2750), гомель. «*В п'ятницю не снують: у П'ятниці дочок багато, забере на дочок пражу*», укр. житом. «*Протиў середы шоб не було мычки на грэб'єнке, бо буде Среда [приходить в дом] прастити. У Середи дочек багато, ей трэба много пражы*», «*Ў п'ятницю ткать и прастити нильзя. Говорять, шо П'ятница была жэничины, много дитэй мала. Говорять, шо её чэрэз тэ и уважають*» (НДП 3, С. 693, 694, 695 = Владимирская, С. 229; Поріцька, С. 154). И встречается в сказках, где свв. Пятница и Среда прямо тождественны сестрам-Ягишнам: укр. «*Було в батька синів аж сорок один. /.../ Сини й кажуть: «Поїдемо, братця, жениться до П'ятниці». От старшій і каже: «У П'ятниці тико сорок дивок, а однії не достає». А другі й кажуть: «Поїдемо до Середи: у Середи сорок одна дивка: як раз до пари прийдеться»» (Драгоманов, № 25, С. 336-337). Среда пытается погубить незваных зятьев, в результате чего отрубает головы своим дочерям, а братья сбегают; Среда гонится за ними, но не*

догоняет. Ср. еще: волог. *«Баба-ега есть жона главна чорта. У ния было 40 дочерей. Все оне вышли замуж за чертей»* (Тенишев 5/1, С. 339). Но тут речь скорее о Яге-Марене, а не о Яге-Мокоши.

Порой говорится о сыне. Так, в заговоре: серб. *Света Петка сина жени, света Среда кћер удаје; све болести на свадьбу звале, само мене нису позвале* – «Святая Пятница **сына женит**, святая Среда дочь отдает; все болезни на свадьбу звали, только меня не позвали» (Раденковић 1982, № 214). В народе даже возникло мнение, что сам Иисус – сын Пятницы. «Жительница с. Нижний Коев Искитимского района Новосибирской области, показывая икону Богородицы, назвала образ, изображенный на ней, Параскевой Пятницей. Она же утверждала, что у святой Пятницы был сын – мученик, пострадавший вместе с матерью за христианскую веру. **«У святой Параскевы сын был – Боженька. Это у той, что Пятница. А у Богородицы дочь была, девочка. А что с ней стало – не знаю»**. По рассказам ее соседки, Марии Ивановны (1919 г.р.), Параскева Пятница – это дочь Девы Марии, родившаяся в результате непорочного зачатия. А Иисус Христос был сыном святой Параскевы. Информатор сообщила, что иконы с изображением матери и младенца бывают разными: если ребенок девочка – значит, это Богоматерь с маленькой Параскевой, а если женщина с мальчиком – то это святая Пятница и Христос», **«У меня была иконка /.../ Параскева Пятница там сидит с мальчиком. А Пресвятая Богородица – у ей девочка на руках. Мать Пресвята Богородица на своей иконке, Параскева – на своей. У ней был сын – Иисус Христос, а Богородица, значит, мать ее, Параскевы»** (Голубкова 2001, С. 93, 94), потому и **«Богородица, что мать Господа Бога родила», «недаром Христа распяли в ее день – в пятницу»** (Голубкова 2003, С. 152). Если Богородица заменила в том числе и славянскую богиню земли, то этот пример можно отнести к генеалогическому мифу, где родителями Мокоши являются Сварог и Лада-Земля. Что же до Иисуса, то народная молва в данном случае демонстрирует не только некрепкое усвоение христианских основ простым людям (и это несмотря на тысячу лет пропаганды), не только пластичность языческого мифа, но и то, что верующими допускалась возможность наличия сыновей у богини судьбы.

Кто эти дочери, сказать сложно. В сказке дочери Среды гибнут, но дочери Пятницы живы, так что вопрос остается открыт. Да и тексты запретов ничего про гибель не говорят, а значит, множество дочерей есть, и они чем-то заняты. Чем же? Проще всего допустить, что они пбыли одобны греческим нимфам или дриадам, то есть занимали в славянской мифологии место не столь значимое. На эту роль можно предложить несколько претендентов.

Во-первых, кикимор – тех самых проказливых духов, что портят оставленную пряжу. Собственно, логично допустить, что именно они, а не их мать, приходят по домам и проверяют пряж. Кикиморам соответствуют украинские *ничкі* (Rulikowski, s. 167), занятые ровно тем же, но, что примечательно, упоминающиеся во множественном числе, как и искомые дочери Пятницы. Им подобны украинские же *недільчата*. Если прясть накануне по-недельника, то они придут: *«Пряде, пряде, а вийдуть двоє дівчат голих і зачали танцювати і співати»*, им нужно разорвать пополам белую плахту на рубашки, и тогда можно избавиться (Вархол 1982, С. 290). Важная роль кикимор – оповещать людей о том, что время их жизни прошло: *«Кикимора с прялкой привидится – к смерти»* (Седакова 2004, С. 270), *«Перед смертью (домочадца, – Б.Г.) она садится на переднюю лавку и предет, толькё веретено шумит»* (Тенишев 5/1, С. 339). Любопытно также именование на Вологодчине кикиморой духа, стерегущего поля, *полудницы*: «В Сямженской вол. существует несколько иное понятие о ней, а именно: это женщина-дух, которая в летнее время сторожит гороховище; она видима бывает только ночью; ходит, имея в руках горячую, каленую, железную сковороду громадных размеров, на которой изжаривает ночных посетителей чужого гороховища, падких до чужого добра» (Тенишев 5/2, С. 541). Полуднице соответствует *удельница / кудельница*, описанная ранее, а избавиться от напавшей полудницы можно рассказом о выращивании льна, так называемым «Житием растения» (СД 4, С. 155, 156).

В-вторых, возможно, это духи судьбы – те самые Доли (и Недоли), которые имеются у каждого человека лично. О суденицах также говорится, что их 40 (Якушкина, С. 112), что совпадает с числом дочерей св. Пятницы из украинской сказки. Это, безусловно,

эпическая цифра, обозначающая понятие множественности, но применена она, в любом случае, для передачи числа женских персонажей. Т.е. духи-доли присматривают за выполнением того, что предсказано их матерью каждому человеку (и живому существу вообще). Ср. также пример из чешского заговора, где у св. Люции, заменившей Мокошь, три дочери-пряжи: *Svatá Lucie měla tři dcery: první předla, druhá vila, třetí motala. Dej, Bože, aby té osobě (meno) škrkavku pomínuly* – «У святой Люции было **три дочери: первая пряла, вторая вила, третья мотала**. Дай, Боже, чтобы имярек избавился от аскарид» (Валенцова, С. 208).

Муж

В науке существует два мнения относительно того, кто является супругом Мокоши. Речь идет о наиболее громких именах славянской мифологии – Велес и Перун. Каждая из точек зрения опирается на свою систему доказательств, которую стоит разобрать.

1. Велес

Такое мнение озвучивалось безапелляционно и на ровном месте: «По народным верованиям, Мокошь (Мокоша, Мокша) была также теснейшим образом связана с овцеводством и женским хозяйством и **считалась спутницей Велеса (Волоса) в народном быту**» (Боровский, С. 21), «По народным представлениям, **спутницей или подругой Велеса** считалась богиня Мокошь (Макошь, Мокша)» (Рабинович, С. 321). «Народное верование» нужно подтверждать цитатами, а их нет, так как нет такого мнения в народе. Я.М. Боровский, первым озвучивший данное мнение без доказательств, вывел его из не критически понятого им текста Е.В. Барсова: «Любопытно, что, по народным верованиям, вскоре после Власовой недели – большею частью в великом посту – появляется между людьми и **спутница его Мокуша**» (Барсов 1887, С. 360). Это было лишь образным выражением, не более того.

Как уже говорилось, сочетание имени Мокоши с неким «виллом» (если это не порча множественного обозначения духов-вил, как в других текстах), быть может, надо понимать как упоминание Мокоши и Велеса в качестве пары: «но и ноне по оукраинамъ

молять(ся) сему проклятому б(ог)у перуну. и хорсу. **и мокоши. и вилу.** и то творят отаи» (Гальковский 2, С. 25). Но на данном примере обосновывать ничего нельзя.

На мысль о брачных отношениях Мокоши и Велеса наводит украинская колядка о Маланке и Василии, где их родство прямо не указано: «*А за тим плужком // Василь ходить, // Йому Маланка // Їсти носит*» (НПВ, № 118). Их истинный статус выясняется путем сравнения с аналогичным текстом: «*А за тим плугом // Сам Господь ходи. /.../ Присвята Діва // Їсти носила*» (НПВ, № 59). Господь тут, впрочем, может быть как сыном Богородицы, Христом, так и ее «мужем», т.е. Богом. О.В. Курочкин, соглашаясь с другими исследователями, полагает что Василий из колядки – Велес: «По аналогии с Маланкой логично допустить, что за бытовым образом Василия в новогоднем обряде первоначально стоял не христианский святой, а более древний языческий субстрат – бог или мифологический персонаж», За ним, вполне вероятно, скрываются реминисценции культа Велеса» (Курочкин 1993, С. 173, 174). Маланка, согласно этой гипотезе, тождественна Мокоши.

В новогоднем обряде ряженые изображали ходящих вместе Маланку и Василя (Шейн 1887, С. 56), на границе Украины и Молдавии разыгрывали шуточную свадьбу «Васыля и Меланки» (Некрылова 2007, С. 343), на которую указывают русские поговорки: *Наряжается (сряжается), что Маланья на свадьбу. Наварила, ровно на Маланьину свадьбу. Наготовила, как на Маланьину свадьбу* (Даль). Напомню, дни св. Мелании и св. Василия Кесарийского идут друг за другом, и это самый разгар святочных веселий и пиров. Поэтому идея брака Маланки и Василия может быть обусловлена вовсе не языческим мифом: «восприятие Мелании (Маланки) и Василия (Васыля) как жениха и невесты хорошо вписывается в традицию народного осмысления календарных святых и праздников» (Некрылова 2007, С. 351), «*Маланьина свадьба*, следовательно, – это нечто вроде символической встречи старого и нового года. А выражение *наготовить как на Маланьину свадьбу* первоначально значило «заготовить столько еды, сколько готовит хорошая хозяйка в канун Нового года». Ведь от этого, по суевер-

ным представлениям, будет зависеть благополучие семьи в течение всего года» (Мокиенко 2007, С. 184).

Тем не менее, вопрос не снят, так как можно указать и на другие примеры сочетания образов персонажей христианского пантеона, заместивших языческих Мокошь и Велеса. Полагается, что часть функций Велеса отошла свв. Николаю Мирликийскому и Власию (Успенский, С. 44-48, 99, 127-129). Именно их народная традиция периодически совмещает со св. Параскевой Пятницей.

Отмечено, что «все резные изображения святых Параскевы и Николая носят общее название *пятниц*» (Можаровский, С. 26). «Весьма знаменательно, что когда в 1540 г. в Псков привезли резные образа св. Николая и св. Параскевы Пятницы, то народ усмотрел в их почитании «болванное поклонение», отчего, как сообщает летописец, в людях была большая молва и смущение. По всей вероятности, псковичи опознали в этих образах идола Волоса и Мокоши» (Успенский, С. 113). Святыни их стояли рядом или были общей святыней. На р. Кокшеньге известна церковь, которая «носит двойное название по имени двух святых, в честь которых она освящена: Николы Чудотворца и Параскевы Пятницы (Девятой)» (Едемский, С. 79). То же отмечалось в Петербургской губ.: «в Раговицах две часовни, во имя св. Николая и св. Параскевы», «По сказанию старожилов, здесь сперва была деревянная церковь во имя св. Николая и св. мученицы Параскевы» (ИСС, С. 368, 400).

Относительно названия д. Волоста-Пятница в Угранском р-не Смоленской обл. пишут: «в нем соединились даже не два, а три божественных представителя: Волос, Мокошь – языческие божества – и Параскева Пятница – христианская святая» (Картавенко, С. 42).

В сказке герою встречается волшебная помощница – св. Пятница, но встречу с ней предсказывает св. Николай: укр. «Вийшов на поляну, диви(ць)ця: старик-дід віде коня, і каже: «Здрастуй, славний богатирь Іван, рускій царевич! /.../ на тобі оцього коня і їдь ти прямо оцією дорогою: там тобі очікує свята Пятниця». (бо то був сам святий Миколай). /.../ Коли диви(ць)ця, на дорозі зустрічає його свята Пятниця; поблагословила і сказала: «На тобі,

синку, оцю стрілу і лук і їдь, отбий у ничистого свою наричену жінку, прикрасну Анастасію» (Дикарев 1896, № 13). В легенде из Кировской обл. свв. Среда и Пятница спасают женщину от убийц, подав голос из-за окна, а вот кто это были, спасенной объясняет старичок, образ которого принял св. Николай (Фадеева, С. 52). Когда грозная Пятница оставляет пряже копну веретен, требуя их запрясть до вечера, то Никола Угодник, явившийся в образе седого деда, подсказывает женщине, как выполнить эту работу (Сержпутоўскі 2000, № 58).

Св. Николай ратует за соблюдение людьми священного дня Пятницы, как и она, посылая с вестью гонца-проповедника по миру: «И в 162 году в успенской пост лежал он болен, и во сне явился ему Николай Чудотворец, велел ему итить в 3 города, на Коломну, в Зарайск, и Переславль Рязанский, и сказывать всем, чтоб мирские люди успокаивались от своих злых дел, а власти их учили. в понедельник чтобы блуда не творили: то де есть архангельской день, в среду до обеда не работали, и имели те дни и честно почитали, и не бражнии не гордились и несодомили, блуда не творили, и матерны не лаялись, и не завидели б, друг друга любили, и **в пяток** в неделю и в Господские праздники во весь день **не работали**» (Иероним, С. 72).

Имена Пятницы и Николая вместе фигурируют в заговорах, либо св. Николай пересекается с тремя богинями судьбы: блр. *«Ішли тры Марэі і тры Марэі, усі тры родненькіх сястрыцы. Ішли яны з святым Міколам. Святэй Мікола сваю войструю меч вынімаець і кроў унімаець»*, *«Святы Мікола, стань на помач! Святая Пяцінка, стань на помач!»* (Замовы 2000, № 470, 1044). В Московской губернии женщина шептала при родах: *«Господи Иисусе Христе, Николай Угодник, Пятница Параскева, Варвара великомученица, простите меня все православные христиане, мать сыра земля, небо синее, солнце ясное»* (Степанов, С. 226).

Оба святых, Николай и Власий, имеют некоторое отношение к прядельным материалам. «Позорнишь пряжу после Власия (11 февраля), будешь с деньгами на маслену» (Ермолов, С. 88). В Московском кремле в 1506 г. была заложена кирпичная церковь в честь св. Николая «на месте, где прежде стояла деревянная старая